

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук

КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*письменные
источники*

Выпуск 13

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2020

УДК 930
ББК 63.2+86.39(5А/Я)
К 906

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *Ц. П. Ванчикова* (отв. редактор),
д-р ист. наук *С. В. Бураева*, канд. филол. наук *Д. В. Дашибалова*,
канд. ист. наук *М. В. Аюшеева* (секретарь)

Рецензенты:

д-р культурологии, проф. *М. И. Гомбоева*
канд. ист. наук *Б. Д. Цыбенков*
канд. филол. наук, доц. *О. Д. Тугулова*

К 906 **Культура Центральной Азии: письменные источники.**
Вып. 13. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2020. – 156 с.

Предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск серии «Культура Центральной Азии: письменные источники» состоит из трех блоков. В первом, посвященном философии и истории буддизма, продолжают исследования текста «Ратна-гуна-самчягатха», дополненные переводом XXVI–XXXII глав; представлены результаты изучения специфики тибетской исторической литературы жанра чойчжун, а также классификация личностных качеств у обучающихся медицине, согласно тибетским источникам. Во втором блоке раскрыты стилевые особенности исторических новелл Б. Ринчена и публикуются сведения об организации научной библиотеки Бурятского ученого комитета. Третий содержит статьи по источниковедению, архивоведению и кодикологии документальных, фото и книжных коллекций.

Представляет интерес для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории и культуры народов Центральной Азии.

УДК 930
ББК 63.2+86.39(5А/Я)

ISSN 2304-1838

© ИМБТ СО РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2020

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ, КОДИКОЛОГИЯ

DOI 10.30792/2304-1838-2020-13-105-127

УДК 930.2

ББК 63.2

Камалов А. К.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛАХ РУКОВОДИТЕЛЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АКАДЕМИКА С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГА (1909–1910 ГГ.)

Статья посвящена анализу сведений о социальной истории Восточного Туркестана, содержащихся в полевом дневнике руководителя Первой Русской Туркестанской экспедиции в Восточный Туркестан (1909–1910 гг.) академика С. Ф. Ольденбурга. Записи С. Ф. Ольденбурга представляют малоизученный источник, сведения которого использовались ранее учеными, например, Н. В. Дьяконовой, однако полный текст дневника был издан лишь недавно, в 2018 г., в Москве совместными усилиями чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина и автора данной статьи. Несмотря на то, что целью Первой Русской Туркестанской экспедиции было изучение древних археологических памятников и сбор рукописей на древних языках Восточного Туркестана, С. Ф. Ольденбург в свои полевые записи вносил ценную информацию о современной эпохе и повседневной жизни коренного населения края – уйгуров (сведения этнографического характера, данные о социальных отношениях и экономической жизни и др.). Статья характеризует дневник С. Ф. Ольденбурга как важный источник по истории социальной истории Восточного Туркестана начала XX в. В ней предлагается предварительный анализ сведений ученого об обычаях и традициях местного населения, а также его языковые материалы, включающие уйгурские народные песни (қошақ).

Ключевые слова: Первая Русская Туркестанская экспедиция, С. Ф. Ольденбург, Восточный Туркестан, уйгуры, этнографические материалы, социальная история

SOCIAL HISTORY OF EASTERN TURKISTAN IN THE DIARY OF THE HEAD
OF THE FIRST RUSSIAN TURKISTAN EXPEDITION ACADEMICIAN S. F.
OLDENBURG (1909–1910)

The article is devoted to the study of the accounts of the Diary written by the Russian academician S. F. Oldenburg who was the head of the First Russian Turkestan expedition organized in East Turkistan in 1909-1910. S. F. Oldenburg's records have not been studied enough, though they were used by few scholars earlier, one of them being N. V. Diakonova. The full text of the Diary was prepared to publication by M. D. Bukharin, the Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences and the author of this article in 2018 in Moscow. Despite the fact that the goal of the First Russian Turkestan expedition was to study ancient archeological sites in East Turkistan and collect manuscripts in ancient languages of East Turkistan, members of the expedition recorded valuable information on modern time and everyday life of the local population, accounts on social and economic relations in the region. The article includes preliminary analysis of the accounts of the Diary of S. F. Oldenburg and describes it as a valuable source for the study of history and culture of the Uigurs and their historical homeland – East Turkistan. The article focuses mainly on materials of the scholar relating to customs, traditions of the Uigurs, sacred Muslim sites (mazars) and folk songs (qoshaq).

Key words: the First Russian Turkistan expedition, S. F. Oldenburg, East Turkestan, Uigurs, ethnographic materials, social history

В истории изучения Восточного Туркестана русскими учеными и путешественниками особое место занимают две Русские Туркестанские экспедиции, организованные Петербургским университетом и Академией наук России в 1909–1910 и 1914–1915 гг. Эти экспедиции, которые возглавил известный индолог академик Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934), ставили целью изучение и сбор материалов о древних цивилизациях Восточного Туркестана, интерес к которым усилился в Европе в связи с обнаружением здесь письменных памятников на древних

языках и многочисленных артефактах античного времени. Аналогичные научные экспедиции в Восточный Туркестан в то время были организованы научными обществами Франции, Германии, Японии и Венгрии. К восточно-туркестанским древностям проявили интерес и ученые Пекина.

Несмотря на то, что научные экспедиции в Восточный Туркестан ставили узкие цели (изучение древностей региона), их участники, путешествуя и работая в разных местностях, описали в своих путевых записях и современное положение края, обычаи и традиции местного населения, поэтому материалы экспедиций представляют собой интерес как источник по социальной истории Восточного Туркестана начала XX в. Действительно, совершая экспедиции по оазисам Восточного Туркестана в поисках научной информации о древних цивилизациях, ученые одновременно становились свидетелями событий современной эпохи. Описывая ход экспедиций, они фиксировали культурные и этнографические особенности местного общества, вскользь или подробно. Такого рода сведения, имеющиеся в материалах научных экспедиций европейских путешественников в Восточный Туркестан, хорошо изучены в современной научной литературе. Достаточно сослаться на труды Л. А. Чвырь об обрядах и традициях уйгуров конца XIX – начала XX вв. [Чвырь, 2006; Российские экспедиции, 2008]. Вместе с тем, спустя более ста лет после организации русских научных экспедиций в Восточный Туркестан, обнаружилось, что многие материалы участников экспедиций все еще оставались малоизученными. К таким материалам относится, в частности, полевой дневник академика С. Ф. Ольденбурга, составленный им во время Первой Русской Туркестанской экспедиции в 1909–1910 гг. Небольшая часть дневника была опубликована в 1995 г. Н. В. Дьяконовой в книге «Шикшин» [Дьяконова, 1995: 100–105]. Полный комментированный текст дневника был впервые издан в 2018 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук (РАН) М. Д. Буха-

риным совместно с автором этой статьи во втором томе книги «Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века» [Бухарин, Камалов, 2018: 479–572]. В настоящей статье я попытался дать характеристику дневника С. Ф. Ольденбурга как источника по социальной истории Восточного Туркестана начала XX в.

Дневник, написанный на 86 страницах тетради мелким биревым почерком, хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Ед. хр. 162. Л. 1–86). После возвращения из экспедиции С. Ф. Ольденбург, издал краткий отчет об экспедиции, который был основан не только на тексте дневника, но и на каких-то других материалах ученого.

Сведения С. Ф. Ольденбурга о Восточном Туркестане относятся к самым разным аспектам социально-экономической и культурной жизни населения этого края, и могут быть представлены по следующим категориям.

Топонимические сведения. Сведения о топонимике Восточного Туркестана, содержащиеся в дневнике С. Ф. Ольденбурга, ограничены маршрутом экспедиции Первой Русской Туркестанской экспедиции, которая началась с осмотра развалин города Улан-бая в Урумчи, но работала в основном на отрезке Карашар – Турфан – Карашар – Курла – Куча – Бай-Аксу – Уч-Турфан – Калпин – Маралбаши – Кашгар. Из Кашгара экспедиция вернулась в Россию через перевал Туругарт, попав в Ош Ферганской области. Текст дневника содержит зачастую чрезвычайно краткие записи, сделанные в «телеграфном» стиле, а экспедиция иногда возвращалась в прежние места, где она уже работала, а затем продолжала движение по указанному маршруту, что затрудняет локализацию тех или иных топонимов. Большую помощь в уточнении расположения местностей, в которых побывала экспедиция, может оказать отчет секретаря российского консульства в Кашгаре М. И. Лаврова об объезде Кашгарского округа в 1902–1906 гг. [Бухарин, Камалов, 2018: 39–206]. В сво-

их записях С. Ф. Ольденбург неоднократно обращал внимание на трудность фиксации названий местности. Он приводил пример того, как одна и та же местность назывались по-разному четырьмя людьми: «Ряд деревень, дарога́ назвал мне много имен, но не заношу, потому что убедился, что можно сообщить неверные имена, так, например, одно и то же место 4 человека на расстоянии не более 20–30 шагов назвали 4 именами Барын, Багры, Токой, Ара-баг!». Именованье одной и той же местности разными названиями ученый объяснял особенностями менталитета местных жителей, которые не хотели показывать свое незнание перед иностранцем и могли называть любое пришедшее на ум название. При этом нужно иметь в виду и то, что названия местностей могли иногда меняться. Так, например, С. Ф. Ольденбург отмечает, что в районе Корла название поселения было переименовано с местного «Дурбүлик» на китайское «Да-дун-цзе».

Уйгурские народные песни (уйг. қошақ). Из повествования дневника можно видеть, как в течение всего пребывания экспедиции на территории Восточного Туркестана, а она работала около восьми месяцев (с июля 1909 г. до конца февраля 1910 г.), постепенно у С. Ф. Ольденбурга рос интерес к культуре местного уйгурского населения, что выразилось в увеличении записей лингвистического и этнографического характера. Это можно видеть по записанным им уйгурским народным песням «кошақ» [Алахунов, 1977]. Если первые записи песен сделаны со слов переводчика, то в последующем ученый расспрашивал встречавшихся информантов о специфичных колыбельных песнях («Колыбельных песен не знает, обещал спросить жену», «Вчера опять спрашивал про колыбельные песни – поют, не знают»). В итоге в дневнике оказалась записанной целая серия народных песен.

Текст уйгурских песен, как и уйгурские слова и выражения, записаны ученым на кириллице. Нужно отметить, что С. Ф. Ольденбург записал уйгурские народные песни в том виде, в

котором он слышал их, не подвергая их редактированию: возможно, это связано с тем, что он не владел тюркскими языками и потому не мог корректировать записи услышанных песен. Возможно поэтому в песнях, записанных С. Ф. Ольденбургом, мы находим слова, специфичные для уйгурских диалектов и местных наречий, например, «хошма» вместо «хойма» (очень), «бий» вместо «бир» (один), а также формы слов, которые употреблялись в разговорной речи («йэссэ» вместо «йэтсэ» (если доберется), «бри» вместо «бири» (один из) и т.д.). Для передачи уйгурских звуков в записях использовались буквы русского алфавита, но специфичные для уйгурской фонетики звуки ученый передавал по-своему. Так, «й» передавал латинской буквой «j», звуки «ү» и «ө» передавал сочетанием «у» и «о» соответственно вместе с двоеточием над ними, т.е. как «ү» и «ө». Однако он не выделял специальными знаками звуки «ғ», «к», «ң», не различая их от русских «г», «к», «н».

Практически все уйгурские песни С. Ф. Ольденбургом записаны со слов его переводчика Босука Темировича Хохо, которого он нанял в Чугучаке. Переводчик сопровождал его в течение всей экспедиции. Незаурядная личность этого человека заслуживает особого внимания. С. Ф. Ольденбург называет его «сартом» из Хами (Комула), иными словами он был уйгуром из указанного оазиса Восточного Туркестана. Его имя ученым передано в русском варианте вместе с отчеством и фамилией «Хохо». Однако в русифицированном тройном имени этого человека просматривается уйгурское имя «Босук Темур», а «Хохо» должно быть его прозвище (уйг. *лакам*). На последнее указывает то, что это слово С. Ф. Ольденбург приводит в качестве примера уйгурских лакамов и передает его значение как «привет борцу» (скорее всего, перевод дан самим Босуком). Босук владел кроме родного (уйгурского), русским и китайским языками. Знание уйгурского давало ему возможность общаться с представителями других тюркских народов Центральной Азии. Сам Босук

рассказывал, что одна из его прабабушек по имени Кургуй биби (?) была замужем за Аппак-ходжу, религиозным и политическим деятелем Кашгарии XVII в. В ходе экспедиции С. Ф. Ольденбург нанимал на работы на раскопках двух племянников Босука, одного из которых звали Ибраим-ахун.

Со слов Босука С. Ф. Ольденбург записал 86 строк песенкошак, среди которых сам выделил песни арбакешские (извозчиков) и колыбельные. В записях встречаются также ситуативно вспомнившиеся строки из других уйгурских песен. Сравнив тексты песен с песнями, изданными Гуннарсом Ярингом и казахстанскими учеными, мы обнаружили, что аналогичными являются только две-три строки [Камалов, 2018]. Предстоит изучить, имеются ли такие аналоги в уйгурских песнях, изданных в СУАР КНР.

Уйгурский языковой материал, кроме текстов народных песен, включает отдельные слова и термины. В связи с тем, что переводчик Босук был родом из Комула (Хами), в беседе он обращал особое внимание на комульскую лексику. Так, например, он отмечал, что тополь во всем Алтышаре называется «тирек» (تيرك), высокий тополь «сәрги» *سرى* и *قوى*, а в Хами – «Хайхай-тополь» (حاي حاي); густой серебристый тополь называется во всем Алтышаре *قاپاق* и *اك* «капак-тополь и ак-тополь», а в Хами – «чаксы» *چاغسى*; горный тополь «таг-тополь» *تاغ تيرك* растет в и в городах. Другим примером хамийской лексики, на который указывал Босук, было слово «джолигак» (*جولى كاك*) – так называли в Хами лунатиков. С. Ф. Ольденбург, отмечая особенности хамийского наречия, писал: «Здесь говор несколько особенный, как-то очень глотают звуки. Би=бир, шам=шембе и т.д.». С. Ф. Ольденбург обратил внимание и на особенности кашгарского диалекта: «любопытно произношения числительного один, у которого я отметил себе уже пять форм: бир, би, биј (хотенское), бижж (кашгарское), бжже (кашгарское). Для 2 здесь больше говорят ички, особенно крестьяне, народ повыше, горожане больше говорят ики».

Следует отметить, что этнографическая информация С. Ф. Ольденбурга не носит системного характера и не является полной. Он отмечал бросающиеся в глаза «экзотические» особенности быта и культуры уйгуров. Тематический охват сведений о быте, нравах, обычаях и традициях уйгуров достаточно широкий и относится (но ограниченно) к следующим категориям: 1) общество, брак и семейные отношения, 2) прозвища (лакамы) и характерные названия жителей, 3) праздники, 4) невольники, 5) китайские школы, 6) мазары, 7) легенды и рассказы, 8) литературные произведения и пр.

В записях путешественников начала конца XIX – начала XX вв. можно видеть, как недавняя эпоха Якуб-бека оставила свои следы как в пространстве, так и в памяти населения Восточного Туркестана [Исиев, 1981]. В записях С. Ф. Ольденбурга, как и в материалах русских и европейских путешественников, мы встречаем большое количество упоминаний о времени Якуб-бека и его политике. Большая часть их относится к мерам правителя, направленным на усиление мусульманских предписаний и норм поведения. Например, рассказывается о местных алкогольных напитках, которые «до Якуб-бека готовили повсюду»: мусалласа из винограда, боза и бахсума из хлеба. Увеселения, связанные с покраской яиц, которые Ольденбург находил схожими с христианским обычаем, и проверкой на прочность скорлупы, «тоже, как и во многом другом, стеснены после Якуб-бека, ревнителя шариата». На пути русской экспедиции встречалось немало военных укреплений, построенных войсками Якуб-бека во время боевых действий. По поводу одного из них, построенного на подступах к российским владениям, С. Ф. Ольденбург скептически и с сарказмом заметил, что наивный Якуб-бек хотел противостоять русским такими примитивными укреплениями. После восстановления цинской власти все бывшие военные укрепления пришли в упадок или стали использоваться по-другому назначению. Так, в Ушак-тале якуб-бековская крепость

была превращена в китайский храм (кит. *мяо*). Интересен рассказ некоего Мухаммед-Эмина, поверенного дароги, о местности Тайзан в Турфанском районе: он помнил, как в детстве они играли на развалинах древней буддийской башни, которую китайцы не позволяли трогать и вывозить оттуда землю. Тогда в Тайзане стояли еще скульптуры Будды (уйг. *бут*), а в день нового года китайцы ставили всюду в ниши свечи и молились «бутам», так что весь Тайзан был в огнях. Затем во время Якуб-бека местные жители получили разрешение вывозить землю из Тайзана на поля, для удобрения почвы. Когда стали вывозить землю, обнаружили громадного сидячего Будду, разбили его на куски, а обнаруженное в строениях дерево стали вывозить для нужд. Однажды кто-то ночью поджег дерево и внутренность буддийского святилища горела почти месяц. Когда разбили статую Будды, внутри нее обнаружили множество книг. Ими забавлялись и жгли. Сообщается также, что местные жители разрушили старый буддийский храм (уйг. *бут-хана*) в Астане и на его месте построили мечеть. После восстановления китайской власти, местные жители прекратили разрушительные действия, но вывозить землю на сельскохозяйственные нужды было разрешено. Еще до Якуб-бека мусульмане хотели построить мечеть к югу от Тайзана, а во время его правления построили маленькую мечеть, несмотря на протесты китайских жителей.

Заслуживает внимания информация о праздновании нового года науруза в якуб-бековское время. В Корлинском районе находился большой холм Султан-дун («Государева башня») высотой от 20–50 гулач (уйгурская мера длины), шириной 50–60 и также приблизительно той же длины. В науруз сюда собирался народ, вокруг были конские ристалища, борьба, игры, «бывал и якуббекский хаким». Очевидно, науруз в уйгурском обществе воспринимался как мусульманский праздник.

В связи со следами эпохи Якуб-бека представляет интерес рассказ, связанный с упрямством хотанцев. Якуб-бек повелел,

чтобы деньги достоинством в один «ермак» называли «ики пул» и приравнять их к двум «пулам». Хотанцы отказались от этого, считая, что если «ермак» один, то никак нельзя его принимать за «два». Когда Якуб-беку доложили об отказе, тот приказал казнить самых знатных хотанцев. Следуя приказу, хаким казнил одного из них. Затем повторил требование и за отказ казнил уже двоих. Тогда хотанцы заявили: «Хоть казни всех, не согласны. Или прикажи считать, что есть и два бога. А то мы не можем считать один за два». Хаким сообщил об этом Якуб-беку, который на этот раз рассмеялся и велел оставить хотанцев в покое. Так там и говорят: «бир пул» (один пул), а не «ики пул» (два пула), имея в виду «ермак». Скорее всего, отсюда пошло изречение, которым характеризуют упрямую природу хотанцев: «бирни бир дэйдү» («один» называют «один»).

Правление Якуб-бека было в памяти уйгурского населения не только как период усиления мусульманского законодательства, но и получения некоторых свобод. Так, по его указу была запрещена торговля людьми: он запретил продавать захваченных в плен людей, хотя богатым людям позволял содержать домашних рабов, купленных до введения запрета.

Лакамы. Традиция давать людям прозвища (араб. *лакаб*) настолько заинтересовала С.Ф. Ольденбурга, что после возвращения из экспедиций он написал на эту тему небольшую статью, которая была опубликована в 1918 г. [Ольденбург, 1918]. «Все туземцы имеют лакам – прозвище; оно иногда остается несколько поколений, бывает Пака – лягушка, Чашкан – мышь; Казык (киргиз – дед был киргиз), хромой, слепой, глупый и т.д. Хохо – привет борцу, Сокэ; по законам легко меняется, если кто-нибудь отличается чем-нибудь. Таким образом, это не соответствует нашей фамилии», – писал ученый о лакамах. Прозвища давались не только отдельным лицам, но и местным общинам, жителям отдельных местностей: «у всех городов Алтышара есть шуточные, характерные названия жителей». Наиболее интересные

наблюдения ученого относятся именно к этим коллективным прозвищам. Приводимая внизу таблица включает прозвища жителей разных городов, составленная на основе записей С. Ф. Ольденбурга, которые в свою очередь восходят к информации переводчика Босука Темировича (орфография С. Ф. Ольденбурга сохранена).

Таблица 1

Коллективные прозвища жителей оазисов
Восточного Туркестана

Жители местностей	Прозвище	Характеристики, записанные С. Ф. Ольденбургом
Каракаш	пичакчи (поножевщики) فچاقچى или чомакчи (бунтовщики).	Карашар – не мусульманский народ, калмыцкий
Ай-коль (по дороге в Марал-баши)	Кёккерме كوكرمه (упрямец), очехче, докчи دوقچى (тот, кто запугивает), ишук اوشوك (вспухлое бесстыжее лицо)	Люди нетерпеливы, сварливы. Про них в шутку говорят, что, если упадет им лист на плечо или на голову, они кричат: «раздавило». Если в Аксу по базару гуляет какая-нибудь глупость, то говорят: «Смотрите, не ай-кёльцы ли это рассказали?»
Аксуйская деревня Кум-баш	Кавачи كاوچى (тот, кто разводит тыкву)	Кусочки тыквы сохраняют и дают детям, это называется гаджек غاجك , их зовут потому и غاجچى . Дразнят, говоря, اناغاجك «ана гаджек», «мама, тыквы кусочек».
Артуш	Чомакчи (бунтовщики: чомак – палица) и йопук-огриси (воры лошадиных попон)	
Марал-баши	Карагаз (черная птица,	Маралбашинцев зовут [так],

	убитая Каменским между Чугучаком и Урумчи, там ее зовут холаңсе)	потому что они едят эту птицу, несъедобную. До Якуб-бека ели пропавшую скотину (плохих людей зовут тепме-халал) – толкнут ногой, если шевелится, зарежут.
Хами	синие штаны көк иштан كۆك ايشتان	Хами – чтобы не сказать прямо «китайцы».
Турфан	безносые бурны jok بورنى يوق	
Курла	бугур, глупый, дикий, долан دولان	
Кучар	Калта куйрук (короткохвостый). Калта-куйрук قويروق كالتا	Короткохвостый (переменчивый, неустойчивый).
Сайрам	Кама-кеш قاماكش (калоши)	Бобровые калоши, потому что носят сапоги с шерстью.
Аксу	лай-хам لاي حام (сырая глина)	Непонятливые
Уч-Турфан	дурак سالبه тел-ве холаксе	
Кашгар	ишак ايشك	
Каракаш	пичакчи بچاقچي (поножевщик)	Скоры на расправу ножами
Яркенд	канджик قانچيق (сука)	
Гума, Малый Яркенд	сомнительный (мусульмане сомнительные)	
Хотан	упрямый кадж كاج	Суджа на хотанском будет «деревня» بي تمام قلده би темам калде (не кончено дело, не совсем мусульманское)

Бай	огры-жок, хели којса хели жок خويشا حلى يوق اوغبرى يوق حلى	В Бае нет воров; что поставил, сейчас нет
Арал		Люди считаются очень грубыми. Есть поговорка: Каланан ямыне карамлык/Адамнын ямыне Араллык.
Калпин	Про калпинцев говорят: алты калпынлык бир (ченту) муселмон китип барамду	Про калпынцев рассказывают: ехал человек с тяжелым мешком на быке, мешок упал, он поднять не может. Подходят шесть калпынцев, он просит их помочь. Они говорят: «Некогда» и проходят мимо. Идет китаец, он уже его и не просит, думает, мусульмане не помогли, что ж китайца просить? Китаец говорит: «Ты чего стоишь?» «Мешок упал, поднять не могу». «Дай, помогу» и помог. Едет потом навстречу человек. Человек с мешком его и спрашивает: «Не видал ли шесть калпынцев и одного мусульманина?». «Что ты говоришь, там идут 6 мусульман-калпынцев и один китаец, разве калпынцы не мусульмане?». «Нет, они своему помочь не могут, а китаец помог». Отсюда и речение, с которым обращаются к калпынцам и которое стало лакамом

Мусульманские святые места в Восточном Туркестане. В ходе работы над археологическими объектами Восточного Туркестана и поисков древних рукописей члены Первой Русской Туркестанской экспедиции посетили многие мусульманские святые места и зафиксировали сведения о некоторых мазарах, связанных с ними легендах, из уст информантов, главным из которых был переводчик Босук. Сведения С. Ф. Ольденбурга о мазарах Восточного Туркестана значительно пополняют имеющиеся данные о мусульманских святых местах, изученных уйгурскими и зарубежными учеными [Mazar Documents, 2006; Mazar Studies, 2016]. Некоторые из этих сведений приводятся ниже.

Туюк-мазар (Турфанский район). Экспедиция работала в Туюк-мазаре, где ее члены жили в доме у одного из сыновей покойного шейха Булада. Они осмотрели сам мазар, встретились с шейхом мазара Алда-ата по имени Тохта-шейх.

Мазар Йетты-кыз и Йетты джигит (Турфанский район). Мазар находился в местности Сыркиб. Легенда гласила, что в старое время жили святые на противоположных сторонах горы и перекидывались камнями из пращей (салга). От девушек остались 7 гумбезов, от джигитов 7 камней. Этот мазар сопоставим с мазаром «Йэтгэ кизлирим мазири» в уезде Лемджин Пичанского района, сведения о котором приводит известный современный исследователь уйгурских мазаров профессор Рахилия Даут [Даут, 2001: 238–239].

Калка-мазар. Местный информант рассказал, что мазар является «кадам-джай» Аха-ата астанинского. «Кадам-джаями» назывались святые места, в которых были захоронения человеческих останков. На горе видны два «обо» (мазары), одно Аин-ата, а другое его войска. Босук рассказывал, что народ приписывает оба «обо» легендарным Тахиру и Зухре. Рахилия Даут также общается о могиле Тахира и Зухры: этот мазар находится на горе

Башәгим к северо-востоку от города Корла. Этот мазар также называется «Қалға мазимирим» [Даут, 2001: 199–200].

Чухон-мазар. Мазар в Корле представляет собой большое дерево, по данным С. Ф. Ольденбурга, 8 м. 80 см. Оно выросло, по преданию, из палки Ходжа Исхак-вали (до Аппак-ходжи), воткнутой в землю. Рядом ханака и гумбаз с могилой какого-то шейха. Это – кадам-джай, то есть захоронение с погребенным телом (уйг. *жасат бар*). В связи с этим мазаром ученый приводит рассказ о происхождении названия «Корла». Жители Корлы сомневались в святости покойного и чтобы испытать его, подарили ему жареную кошку, прикрепив к ней курдюк барана. Тот сказал: «Встань и уйди, я тебя есть не стану». Кошка убежала, а он сказал горожанам: «Вы слепы (внутренним глазом), оттого и город ваш называется Курла (курлер – слепые). Есть другие объяснения слова «Корла», связывающие его с Аппак-ходжа.

Чарча-мазар. Расположен за Узгеном, у устья речки. Здесь погребены три святых человека, о которых ничего неизвестно, кроме их имен: Султа Көк тонлуқ, Султан йишил тонлуқ, Султан кара сақал. Они принадлежат к числу семи святых, из которых один – Султан Килич-табери, считается особенно “сердитым”.

Таг-мазар. Мазар находится в горах, примерно в 10 ли к северу от Чнгисара, что отражено в названии: “таг-мазар” означает “горный мазар”. Это кадам-джай, погребение Фатимы и Али, расположенное возле родника в саду. По преданию, здесь у ключа Фатима чесала и мыла голову и плакала. Сады занимают около 20–30 му земли. Здесь растет урюк, который поспевает в 6-м месяце, позже, чем в городе. Когда поспевает урюк, народ ходит сюда толпами, люди ночуют, остаются на два-три дня. На восток от мазара, если пройти пешком более 10 ли, высоко в горах есть место с маленькими ямками, откуда идет горячий пар, поэтому его называют “хаммам” (баня). “Над ямками надстроечки из прутьев, их покрывают кошмами и

внутри садится больной, потеет, и это очень помогает”. Согласно преданию, в этом месте стояло войско Али и здесь были их очаги. Между мазаром и хаммамом имеются след копоти (Дулдура) и след человека (Али). Около мазара на юге есть гладкая стена, на ней имеются полочки, на одной из них которой видны два круглых камня. Эти камни были тестом, которое Фатима скатывала и которое по ее молитве окаменело. В мазаре также показывают другой камень, подобный верблюжьей кости, а также камень, похожий на птицу, которую считают окаменевшим охотничьим соколом (уйг. *шункар*) Али.

Ислам-диване мазар. Расположен в местности Тарлак, близ Бугура. По преданию, некогда жил юродивый Ислам-диване. Он постоянно пел песни, «смеялся без видимой причины, разговаривал с самим собой и все время над чем-нибудь работал: то выстроит маленькую хату, то устроит садик, то выроет ямку или пещеру и там живет, все это в степи. Лет 20 тому назад, в Мекке, как это бывает от времени до времени, был слышен голос, говоривший, что был угоден хаджа Ислам-диване в Тарлаке-бугурском в земле кашгарской (Кашгар земин Бугур Тарлык диване Ислам-хаджанын хаджи кабул). Удивились люди, и кашгарцы, вернувшись, пошли искать Ислам-диване. Жители Тарлака сказали, что вот уже месяца три-четыре не видели Ислам-диване. Пошли искать его в степи и нашли у одного яра, в вырытой им самим пещере. Похоронили его там, устроили мазар из могилы и обнесли ее стеной, и теперь совершают люди зӯарет Ислам-диване мазара. А жив был Ислам-диване, никто не знал, что он святой». Рассказывая об этом мазаре, С. Ф. Ольденбург дает небольшое описание дервишей (уйг. *диване*), которых люди принимают за лентяев, курильщиков анаши, азартных игроков, но верят, что среди них могут быть святые, поэтому всегда дают им подавания деньгами и продуктами.

Нар-баг мазар. Сведения об этом мазаре, расположенном в Хотане, С. Ф. Ольденбург записал со слов Босука в связи с рассказом о Ислам-диване мазаре. В Хотане не так давно жил один

диване (дервиш), которого все терпеть не могли, бранили его и гнали, потому что тот был злой, кричал и ругался, ходил нагим, не стыдясь. «Однажды пришел диване к одной мечети во время намаза и кричит: «кто хочет проводить меня, проводите завтра утром в Нар-баг», а там был старый гумбаз, в котором [он] жил... Так он обошел все мечети, дивился народ и, наконец, решил, что это неспроста. Пошли и сказали об этом известному хотанскому мударрису Йолдаш-ахуну, тот ответил, что, видно, диване был святой и предсказал, как могут предсказывать только святые, время своей смерти. Люди на это ответили, что уже вечер, что они ходили за Нар-баг и диване жив и здоров в своем гумбазе. «Подождите до утра», – сказал Йолдаш-ахун, – «он говорил про утро». В эту ночь Йолдаш-ахун видел сон: он идет в Нар-баг в гумбаз, от диване – там вместо гумбаза великолепное здание, и празднуют свадьбу, на главном месте, в великолепной одежде сидит диване и ласково встречает ахуна: «Вот видишь, люди ненавидели меня и бранили меня всегда, за это Аллах возлюбил меня и воздал мне честь». Проснулся ахун и сейчас же утром послал людей в Нар-баг, а там диване лежит мертвый. Поняли люди, что это был святой, и похоронили его и устроили тут мазар».

Субаши ленгер. Сведения об этом мазаре примечательны тем, что здесь зафиксировано празднование праздника нового года (уйг. *науруз*). На празднование должны были прийти почти 2000 человек. Проводилось поминовение (уйг. *назир*). Готовилось «хепт-селом-суи», что представляет собой, скорее всего, ритуальную воду.

Султан-ак ата. Этот мазар в Кумтуре особенно был почитаем жителями. К нему приходят молиться, если наступает какая-нибудь беда, например, проблемы с водой (либо избыток, либо нехватка). Местного имама за два года до этого укусила бешеная собака, от чего можно было умереть. Несколько дней и ночей имам провел в молитвах о спасении на мазаре и выздоровел.

Это было свидетельством силы святого места, которое, скорее всего, было кадам-джай, то есть захоронением, но имам об этом ничего не знал.

Ибраим-ахтам бузурвар. По рассказам Босука, жил некий могильщик Ибрахим-гуркар. Однажды он услышал голос из могилы, который говорил: «Есть здесь кто?». Это был голос из могилы. Когда он вскрыл могилу, оттуда вышла женщина и спросила: «Хочешь на мне жениться?». Он согласился. Тогда женщина рассказала, что она дочь царя Адхама. Так как по шариату запрещается открывать мертвых, то царевна никому, кроме мужа, не сказала, что она есть. Они стали жить вместе, и у них родилась дочь. Однажды, когда девушка с отцом пошла на базар, ее увидела старая нянька царевны и удивилась ее сходству с покойной. Вернувшись домой, нянька рассказала царице, что она видела девочку, похожую на царевну. Царица послала за девочкой, она пришла с отцом. Затем она велела Ибрахиму привести жену. Когда он привел жену, царица сразу узнала ее и спросила: «Откуда ты?» Она ответила: «Я вернулась из мертвых» и рассказала, как было дело. Царь тогда усыновил Ибрахима, который стал именоваться отныне «Ибрахим бен-Адхам»; после смерти царя он занял его место. Однажды пир ему сказал: «Нельзя иметь двух любимых – бога и твой дом с царством, выбери одно». Ибрахим любил бога и стал диване (дервишем). Мазар Ибраим-ахтам бузурвар в Аксу описан в книге Рахили Даут [Даут, 2001: 176–178].

Козам-джай хан-ходжи. Этот мазар находился в местности Таджит. Здесь проходила раньше дорога, которая вела в Китай, но была заброшена после восстания Хан-ходжи. Рассказывают, что когда стали копать холм, обнаружили останки человека, решили, что он – шахид, умерший за веру. Есть также мнение, что это погребение Козам-джай хан-ходжи. Легенда гласила, что здесь жил Хан-ходжам, у него был ученик (уйг. *comu/суфий*) из таджиков. Хан-ходжам сказал ему: «Копай землю, пока не

найдешь воду, как увидишь, иди ко мне и не оглядывайся». Тот оглядывался, поэтому образовался колодец (уйг. *қудуқ*), если бы не оглядывался, появился бы родник.

Чичак-анам. Мазар расположен к юго-востоку от Кучара в махалле Уча-сай. «Чичак-анам» дословно означает «моя мать оспа». Считается, что существует семь духов (уйг. *чичак ағачилар*): 1) Терме-теркен агачам *ترمه ترکن*, 2) Кырма-теркен *قرماترکن*, 3) Кутлук-мубарек *قتلق مبارک*, 4) Кунджи-теркен *قنجی ترکن* (мелкий изюм) и др. Когда во сне видят Кутлук-мубарек (веселая, красивая), то оспа будет легкая и никто не умрет. Когда увидят Кырма-теркен (сердитая с саблями или ножами), оспа будет смертельная, скосит всех. Если Терме-теркен приснится, то половина умрет, половина поправится. С. Ф. Ольденбург пишет, что «теркен» означает «женщина». В Хами, по сведениям Босука, это слово прибавляется к женским именам.

Кошкар-атам Чадыр-кеи. «Чадыр» названо, потому что здесь стоял Джангир-хан. Никто не знает, почему также мазар называется «кошкар-атам» (баран). Говорят, похоронено тело какого-то человека. Иногда прибавляют слово «Султан»: Султан Кошкар-атам.

Мейрам-хан мазари. Мазар в Юрункаше Хотанского района, о котором рассказал Босук. Рассказывают, что Мейрам-хан была молодой красивой богатой женщиной, которую казнили в 19-м году Гуан-суй (написано: «Гуан-тю»), то есть в 1893 г. в 5 месяце. Она была замужем, но у нее был любовник – ходжа. Люди научили ее мужа спрятаться с топором и поймать любовников; он настиг их таким образом, но любовники смогли убежать. Тогда женщина уговорила ходжу убить мужа. Тот пришел с работниками к мужу женщины, которого связали, а Мейрам-хан заколола его, нанеся множество ран. Труп сложили под навозную кучу в ближнем дворе. Запах трупа выдал убийство. Мейрам-хан арестовали, истязали, пытали, но она не выдала ходжу. Женщину казнили казнью «семи ножей»: содрали кожу со лба, с

плеч, вместе с мясом, отрезали соски, потом воткнули нож в сердце, затем отрезали голову. Казнь начиналась с того, что засыпали глаза известкой. Женщина была нечистой, по мусульманским поверьям. Когда она умерла, родственники выстроили «великолепный памятник» и назвали это место мазаром, считая, что она является «шахидом», пострадавшим от неверных китайцев, поскольку казнь осуществляли китайцы. С. Ф. Ольденбург отмечал, что пока еще не все признавали могилу женщины мазаром, но со времени, когда забудется любовная сторона дела, могила станет настоящим мазаром. Кстати, в Кашгаре, по рассказам, также был еще один «Мейрем-хан-мазар».

Ахур-мазар и Лата-мазар. Мазары, встретившиеся на пути экспедиции, когда на конечном этапе направилась из Кашгара к границе Российской империи. Первый из них, скорее всего принадлежал, киргизам. Лата-мазар (тряпичный мазар), обвешанный тряпками, встретился на пути из Чар-бага у дороги в кустах. Такой мазар также называется календер-мазар, т.е. мазар каландаров-нищих. Есть еще понятие «татир мазар» (мазар наоборот), но значение его не раскрыто.

Перечисление мазаров от Коргака в сторону Артуша (Кашгар). В сторону от дороги от местности Коргак, вблизи Аватустан, имелись старинные мазары: на запад – Кутб-еддин ходжам (джисет, то есть с захоронением), на восток – Кара-хан-падшаим, на север – Кунгнейла ходжам (Кутб-улла?). Около гор на север был мазар Биби-анам. Близко располагался также Калдаш-джу Ахрор-ходжа. Далее дорога разделялась, одна из дорог, похуже, вела на селение Артуш.

Выше мы привели сведения о тех мазарах, о которых С. Ф. Ольденбург приводил более подробные данные и интересные легенды. В записях ученого встречаются много других наименований мазаров, которые мы здесь не рассмотрели. Например, упоминание святого Чихил-тена, мазар которого находится в Яркенде [Бухарин, Камалов, 2018: 531]. Этот мазар недавно по-

дробно изучен японским ученым Ясуши Шинменом [Shinmen, 2016]. Известия о святых местах дневника С. Ф. Ольденбурга необходимо изучать в сопоставлении с данными о мазарах, имеющимися в «Отчете...» М. И. Лаврова, который упоминался выше.

Большую ценность представляют данные С. Ф. Ольденбурга о торговле, местных продуктах и ценах на рынках Восточного Туркестана. Описание экономической жизни, особенно стоимость товара, зачастую сопровождается комментариями переводчика Босука, который отмечал те или иные изменения, произошедшие за последние годы. Политика китайской администрации в отношении местных мусульманских народов, отношения между отдельными этническими группами составляют другую интересную тему, которая получила отражение в записях академика С. Ф. Ольденбурга. Эти сведения нужно анализировать отдельно, равно как и сведения о литературных произведениях и артефактах, собранных и купленных Первой Русской Туркестанской экспедицией в Восточном Туркестане.

В целом, дневник С. Ф. Ольденбурга представляет собой ценный источник по социальной истории Восточного Туркестана, отдельные аспекты которой представлены в данной статье. Более подробное изучение сведений этого источника должно быть поставлено в контекст всего комплекса этнографических сведений об уйгурском обществе Восточного Туркестана, известных из сочинений европейских путешественников и местных авторов.

Литература

Бухарин М. Д., Камалов А. К. С. Ф. Ольденбург. Дневник Туркестанской экспедиции, снаряженной по Высочайшему повелению Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX – первой трети XX века. Том II. Археологические, географические и исторические

исследования / Архивы Российской Академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики / Под ред. чл.-корр. РАН М. Д. Бухарина. Москва: Памятники исторической мысли, 2018. С. 479–572.

Дьяконова Н. В. Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. Москва: Восточная литература РАН, 1995. 301 с.

Исиев Д. А. Уйгурское государство Йэттишар (1864–1877). Москва: Главная редакция восточной литературы, 1981. 92 с.

Ольденбург С. Ф. Лакамы – прозвища жителей городов Восточного Туркестана // Сборник Музея Археологии и Этнографии. Т. 5. Вып. I. 1918. С. 93–96.

Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. Под ред. И. Ф. Поповой. Санкт-Петербург: изд-во «Славия», 2008. 244 с.

Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв. Москва: Наука, 2006. 288 с.

Алахунов А. Уйғур хәлик кошақлири [Уйгурские народные песни]. Топлиғучи А. Әлахунов. Алмута: Қазакстан ССР «Наука» нәшрияти, 1977. 184 с.

Даут Рахилә. Уйғур мазарлири [Уйгурские мазары]. Үрүмчи: Шинжаң хәлик нәшрияти, 2001. 264 с.

Камалов А. К. Сергей Ольденбург йезивалған уйғур кошақлири һәқкидә [Об уйгурских народных песнях в записи С. Ф. Ольденбурга] // Ижаткар. № 3 (7). 2018. С. 58–64.

Mazar Documents from Xinjiang and Ferghana. № 1. Edited by Sugawara Jun, Hawahara Yayoi. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2006. 154 p.

Mazar Studies on islamic Sacred Sites in Central Eurasia. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies Press, 2016. 344 p.

Shinmen Yasushi. The Historical Significance of Chiltan Mazar in Yarkand City // Mazar Studies on islamic Sacred Sites in Central Eurasia. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies Press, 2016. P. 177–188.

References

Bukharin M. D., Kamalov A. K. S. F. Ol'denburg. Dnevnik Turkestanskoi ekspeditsii, snariazhennoi po Vysochaishemu povelению Russkim

komitetom po izucheniiu Srednei i Vostochnoi Azii // Vostochnyi Turkestan i Mongoliia. Istoriia izucheniia v kontse XIX – pervoi treti XX veka. Tom II. Arkheologicheskie, geograficheskie i istoricheskie issledovaniia / Arkhiv Rossiiskoi Akademii nauk i Natsional'noi akademii nauk Kyrgyzskoi Respubliki / Pod red. chl.-korr. RAN M. D. Bukharina. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2018. S. 479–572.

D'iakonova N. V. Shikshin. Materialy Pervoi Russkoi Turkestanskoi ekspeditsii akademika S. F. Ol'denburga 1909–1910 gg. Moskva: Vostochnaia literatura RAN, 1995. 301 c.

Isiev D. A. Uigurskoe gosudarstvo Iettishar (1864–1877). Moskva: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury, 1981. 92 s.

Ol'denburg S. F. Lakamy – prozvischa zhitel'ei gorodov Vostochnogo Turkestana // Sbornik Muzeia Arkheologii i Etnografii. T. 5. Vyp. I. 1918. S. 93–96.

Rossiiskie ekspeditsii v Tsentral'nuiu Aziyu v kontse XIX – nachale XX veka. Pod red. I. F. Popovoi. Sankt-Peterburg: izd-vo «Slaviia», 2008. 244 s.

Chvyr' L. A. Obriady i verovaniia uigurov v XIX–XX vv. Moskva: Nauka, 2006. 288 s.

Alakhunov A. Uifur khəlik koshakliri [Uigurskie narodnye pesni]. Topilifuchi A. Əlakhunov. Almuta: Qazaqstan SSR «Nauka» nəshriati, 1977. 184 s.

Daut Rakhilə. Uifur mazarliri [Uigurskie mazary]. Yrymchi: Shinzhan khəlik nəshriati, 2001. 264 s.

Kamalov A. K. Cergei Ol'denburg iezivalfan uifur koshakliri həkkiə [Ob uigurskikh narodnykh pesniakh v zapisi S. F. Ol'denburga] // Izhatkar. № 3 (7). 2018. S. 58–64.

Mazar Documents from Xinjiang and Ferghana. № 1. Edited by Sugawara Jun, Hawahara Yayoi. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies, 2006. 154 p.

Mazar Studies on islamic Sacred Sites in Central Eurasia. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies Press, 2016. 344 p.

Shinmen Yasushi. The Historical Significance of Chiltan Mazar in Yarkand City // Mazar Studies on islamic Sacred Sites in Central Eurasia. Tokyo: Tokyo University of Foreign Studies Press, 2016. P. 177–188.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАДЛАЕВА Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, библиотекарь Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. E-mail: t.badlaeva@mail.ru

БУРАЕВА Светлана Валерьевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: ladys@inbox.ru

ДАШИБАЛОВА Дарима Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: dardash3@gmail.com

ЖАБОН Юмжана Жалсановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: yumzhan@mail.ru

КАМАЛОВ Аблет Каюмович – профессор Университета «Туран», Алматы, Казахстан. E-mail: a.kamalov@turan-edu.kz

ЛЕПЕХОВ Сергей Юрьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: lepekhov@yandex.ru

МЯГМАРСУРЭН Гомбодорж – доктор наук, директор Института изучения буддийской культуры при монастыре Зуун-Хурээ Дашчойлин. E-mail: lamamiga@yahoo.com

РИНЧИНОВ Олег Сергеевич – кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: orinch2@mail.ru

ХАРТАЕВ Владимир Владиславович – младший научный сотрудник лаборатории «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: buda2004@mail.ru

Содержание

РЕЛИГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Лепехов С. Ю.</i> Концепция иллюзорности мира в «Ратна-гуна-самчая-гатхе»	3
<i>Хартаев В. В.</i> Специфика тибетской исторической литературы жанра чойчжун.....	32
<i>Мягмарсүрэн Г.</i> Пагба-лама Лодойжанцан и его поучения	46
<i>Жабон Ю. Ж.</i> Тибетские источники о личностных качествах обучающихся медицине.....	69

ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА

<i>Дашибалова Д. В.</i> К вопросу об архитектонике исторических новелл Б. Ринчена.....	82
<i>Бадлаева Т. В.</i> Организация научной библиотеки Бурятского Ученого Комитета (1920-е гг.)	91

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ, КОДИКОЛОГИЯ

<i>Камалов А. К.</i> Вопросы социальной истории Восточного Туркестана в полевых материалах руководителя Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга (1909–1910 гг.).....	105
<i>Бураева С. В.</i> Фотохроника научной жизни Бурятского института общественных наук в 1970–1980-е гг. (по материалам общего архивного фонда ЦВРК).....	128
<i>Ринчинов О. С.</i> Современные направления мультидисциплинарного изучения буддийского книжного наследия.....	143
<i>Сведения об авторах</i>	154